

18+

Анна-Нина Коваленко

В одной лодке

Ночлежки Нью Йорка

Анна-Нина Коваленко

**В одной лодке.
Ночлежки Нью Йорка**

«Издательские решения»

Коваленко А.

В одной лодке. Ночлежки Нью Йорка / А. Коваленко —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-677945-7

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ,
ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД
ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ
УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. В
этой книге автор показывает как можно выживать и заниматься творчеством
в экстремальных, не способствующих творчеству условиях. Книга содержит
нецензурную брань.

ISBN 978-5-00-677945-7

© Коваленко А.
© Издательские решения

Содержание

В ОДНОЙ ЛОДКЕ	6
ОТ АВТОРА	7
ВВЕДЕНИЕ	8
БЭЙГЛ	9
Конец ознакомительного фрагмента.	18

В одной лодке Ночлежки Нью Йорка

Анна-Нина Коваленко

© Анна-Нина Коваленко, 2025

ISBN 978-5-0067-7945-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

В ОДНОЙ ЛОДКЕ

*«Есть бытие, но именем каким
Его назвать? Ни сон оно, ни бденье,
Меж них оно, и в человеке им
С безумием граничит разуменье...»
(Е. Баратынский, «Последняя смерть»)*

ОТ АВТОРА

Я хочу рассказать вам о моих многолетних странствиях в поисках пристанища, а также (и это главное) по возможности представить микро-мир обитателей Нью-Йорка, с которыми я делила время и место в пространстве большого города. О том как в скитаниях по приютам и ночлежкам Нью-Йорка, всякий раз попадая в чуждую среду с другими культурными и моральными ценностями, мне удавалось выживать, и творить.

ВВЕДЕНИЕ

2020. Брайтон Бич – пяточок в южном Нью-Йорке, куда стеклись леди и джентльмены из разных уголков бывшего Советского Союза, или, по-другому, России, где я обитаю среди моих соотечественников, где мне всё чаще хочется сказать, и я говорю себе мысленно: «Я больше не могу». Но продолжаю нести сей крест.

Нью Йорк. 2 Июня 2020, Вторник. Вечер. После смерти Джорджа Флойда во время задержания полицейскими, один из которых наступил коленом ему на горло, то есть на шею сзади, прошла волна протестов под лозунгом Black Lives Matter. Эту патетическую реплику: Black Lives Matter – «Жизни чернокожих имеют значение» – я вижу часто, воспринимаю как знак заискивания белых перед чёрными, как утверждение, что чёрных недооценивают и угнетают.* (*Кстати, мои самые близкие, милые сердцу друзья – как раз чёрные, но они не имеют к БЛМ отношения и не одобряют этого утверждения – авт.) Протесты прошли по всей стране с разрушениями, грабежами, убийствами. Вчера после визита в Нижний Манхаттан, где я видела следы варварства и мародёрства, пришла домой и весь вечер получала от полиции по телефону предупреждения о комендантском часе, curfew. С 9 вечера до 5 утра нужно сидеть взаперти дома. «Дом»: койко-место в комнате на троих. Чемодан под кроватью. Я держу его не застёгнутым на молнию, и даже ајаг – то есть приоткрытым, чтобы можно было утром достать из чемодана свежее исподнее не создавая шума, не мешая сну соседок по койке, слева ли, справа. Рискованно, конечно, держать чемодан ајаг – приоткрытым, не потому что кто-нибудь что-нибудь возьмёт: при моём размере близком к нулю за свои одежды можно быть спокойным, спокойной, но есть шанс наткнуться на мышь, заснувшую в мягком тряпье – мыши ведь, кажется, любят тепло и комфорт.

А я мышей боюсь.

Ночью не уснуть: соседка Луиза будет храпеть. Стул... Впрочем, сочиняю, стула нет. Только койка и чемодан под койкой. Так выглядит моё пристанище. Сегодня, вчера и наверное, завтра. Их было множество, я даже не помню точно последовательности во времени. Лишь отдельные картинки.

БЭЙГЛ

Это было в 1990х. Моя дочь тогда исчезла, ушла, уехала из Нью-Йорка с новой подругой, которая, кстати, её и вдохновила оставить Нью Йорк и, и фактически, меня. Сначала они собирались взять с собою две из трёх наших кошек – я посетила вет клинику, запаслась нужными документами на вывоз кошек из Нью Йорка, но потом они передумали, я осталась одна с тремя кошками, и мне предстояла операция на ногах. Вскоре я потеряла квартиру и после серии последующих испытаний нашла комнатку в Статен-Айленде. Работала в Манхаттане – в Лиге на 57й и в галерее на Принц стрит, туда и обратно на пароме, в те времена паром стоил 50 центов, которых у меня часто не было, тогда я ухитрялась затеряться в толпе. Заботясь о кошках – еда, литтер* (*наполнитель для кошачьего туалета, litter) – я вынуждена была голодать. От Вест 57й до ферри* (*переправа, ferry) добиралась пешком, и выбирала места, где можно наткнуться на остатки еды, то есть, по-русски, объедки. Однажды бездомный чёрный парень поделился со мной пиццей. В другой раз на Вест 34й я нашла целенький мафин* (*кекс, muffin). И постыдный же случай приключился однажды со мною: уже в Статен-Айленде, на углу некоей лавки прямо поверх чёрного пластикового мешка для мусора лежал бэйгл* (*заварной бублик, bagel), я его подняла с мыслью «вот и ужин», принесла в кухню обжечь, таким образом дезинфицировать. В кухне сидел Энтони – жилец подвала, который, увидев бэйгл в моих руках, воскликнул:

– О! Это мой бэйгл!

Я почувствовала, что стораю со стыда... А Энтони – не знаю как он понял выражение моего лица – продолжал:

– Я пошутил!

Тогда я дала себе слово быть осторожней в Статен-Айленде, и вообще, не смотреть по сторонам и под ноги.

Бэйглы отрицательных эмоций у меня не вызывают, только покупая в кафетерии, прошу поджарить:

– Тост, пожалуйста.

Комнатка была в заброшенном доме около пристани, его приспособил под сдачу в аренду белобрысый толстяк по имени Джо (удивительное сходство имел со свиньёй), конечно, позаботившись о названии некоего бизнеса для этого заброшенного дома. Джо обычно сидел внизу – в «офисе», и ел, ел, ел, а лучше сказать жрал, жрал, жрал, не отрывая взгляда от монитора, где была прямая трансляция происходящего вокруг дома: вот пробежала собачка, вот прошёл человек, вот проехала машина, и прочее. Наша с кошками комнатка на втором этаже, прямо под крышей. Вид из окна навевал тоску. Я узнала тогда, сказали, что в недавнем прошлом из этого окна выбросился человек. А если смотреть из окна вдаль, минуя взглядом серый асфальт, о который разбился тот мой предшественник, то можно было видеть белую церковь St George, Ст. Джордж, она потом сгорит – об этом у меня рассказ «От чего горят церкви». Соседи по этажу: Алекс – пожарник, Роберт из какого-то штата где не было работы (он всячески помогал мне найти мою дочь, добывал адреса служб по розыску, спасибо, милый Роб, где бы ты ни был), Дэвид-психолог, Энтони – ирландец и поэт, впрочем, его комнатка в подвале, Люси – невзрачная умненькая девушка, эффектная латиноамериканка, и т.д.– Соседи менялись, одни уходили, другие приходили. Кухонька в подвале: когда я спускалась по расшатанной деревянной лестнице вниз приготовить чай, то боялась приземления на плечи или голову гигантских тараканов *water-bugs** (*водяные клопы, или тараканы), которые водились в доме в огромном количестве.

Энтони – красивый зеленоглазый брюнет лет сорока, чуть неряшливый, да и как иначе при таких-то условиях. Писал стихи, дал мне почитать. Стихи выдавали сексуальную озабо-

ченность автора, которая доминировала над литературными достоинствами. Ночные звёзды ассоциировались у него с половыми органами, свет от угадываемых на ночном небе планет – со спермой, и всё в таком ключе. Самому автору всё это казалось проявлением романтизма. Он попросил меня написать на русском отзыв о его поэзии, для его русского друга. Я и написала такой отзыв, «Космический романтизм поэта Энтони», после прочтения которого его русский друг почему-то хохотал до слёз, а Энтони в разговоре со мной стал более сдержанным.

Ещё на первом этаже, помимо вечножрущего Джо, была комнатка другого Джо, пожилого худощавого мужчины, которого толстый Джо называл Buttler- «служгой», я не помню какие функции выполнял этот Buttler, впрочем, делал уборку в «офисе» и терпел унижительные окрики Джо Толстого. Шли дни, годы. Я посетила Россию, попросив Алекса-пожарника присмотреть за кошками, с чем он хорошо справился. У Алекса была русская фамилия, русские предки, он даже немного понимал по-русски. Мы оставались друзьями и после моего ухода из этого дома; жаль, он потом погиб при взрыве-пожаре в Торговом Центре (9/11).

Астероид 327

В Статен-Айленд я прибыла из Бруклина: там снимала комнатку у двух русских типов, в районе с красивым названием станции метро: Fort Hamilton Parkway —Форт Гамильтон Парквей. Нашла по объявлению в газете «Новое русское слово».

(Уезжая из квартиры на Вашингтон Хайтс, я забирала вещи в два захода. Когда пришла по второму заходу, оказалось, что исчезли все оставленные на время мои картины, из которых особенно жаль «Ассоль», позировала моя дочь в наши с ней лучшие времена. На картине девушка-Ассоль сидит на скале и смотрит на водную гладь внизу, в ожидании весёла* (*судно, корабль —vessel) под алыми парусами. Супер тогда сказал: это жильцы дома приходили, разобрали. Управы на этих неведомых мне «жильцов» не было, да ещё и накануне хозяин дома Аарон Шпигель взял сам себе в подарок мою картину «17 июля», которая выставялась в Салоне Независимых-Париж, 1990. Жаль. Так, вспомнилось...)

И вот, Форт Гамильтон Парквей. Место не было таким красивым как название станции метро. Население, за малым исключением, ортодоксальные евреи в чёрных одеждах, живущие в частных домах с диким количеством ребятишек. Дворики их домов полны мусора, и никаких растений.

Квартира на втором этаже дома где я остановилась: двух-спальная, одна из спален для этой парочки, другая мне с моими кошками. В нашей спальне много мебели: как объяснил один из этих двух, Игорь, они работают в «мувинг»* (*служба переезда, moving service), и им достаётся бесхозная мебель, которой они загружают комнату для последующей продажи, то есть перепродажи. Но мне с моими кошками места, то есть площади, хватало. Прихожая, она же кухня и столовая, достаточно вместительная, там по утрам за столом сидели Игорь и его партнёр, имени которого я не помню, да и вспоминать не хочу, такой злобный, косноязычный, грязный, беззубый, худой... Рано утром, очень рано утром, эти парни уходили за водкой, возвращались – распивали. Вечером куда-то исчезали, когда возвращались я не слышала, слышала лишь утреннюю возню сборов за водкой. Вообще, нет сомнений, партнёр Игоря побывал в тюрьме. Похоже, и Игорь тоже. Похоже, Америка благоволит к уголовникам. Я заплатила им депозит* (*задаток, deposit) и арендную сумму за месяц. Мне было сказано представиться их родственницей, тётей, если кто спросит. Мои кошки вызывали у них непонятный смех-ржание. Как-то неуклюже играли они с Чарли: брали в руки верёвочку и махали ею в воздухе. Кристина от них пряталась. Вася тоже. Впрочем, всё это было терпимо.

...Спустя недели две после моего поселения, в их отсутствие – стук в дверь. Наказ никому двери не открывать был, но я открыла. На пороге стояла пожилая женщина, одетая почему-то в телогрейку (было лето), и прежде чем я открыла рот для приветствия, сказала:

– Не говорите мне, что вы их тётя. Я хозяйка дома. Эти дряни не платят мне уже полгода. Уверена, вы им дали деньги, а они их истратили на себя, на водку. Передайте, что я не буду их держать.

Я обещала «передам», хоть не собиралась этого делать. Ведь мне было наказано не открывать двери на стук. Прошла ещё неделя. Вернувшись домой после работы (в Художественной Лиге или в галерее на Принц стрит, не помню точно, скорей, в Лиге), я решила пользуясь их отсутствием постирать что-то из моей одежды. Увидела под ванной край пластикового тазика, выдвинула... В тазике плавала в крови человеческая рука. Задвинула тазик, быстро собрала вещи, поместила кошек в клетки, выбежала в кухню-прихожую, вызывать по телефону такси. Подъехавшему таксисту сказала: «Куда-нибудь.» Хорошо, что он говорил по-русски, Андрей, грузин. Я ему рассказала о произошедшем, он посоветовал для начала поместить мои вещи в камеру хранения. Нашли камеру хранения, Mini-Storage, поместили туда мои вещи. Андрей сказал, что не оставит меня, пока не уверится, что я устроилась. Позвонили Наташе Козловой из «Нового Русского Слова»* (*русскаяязычная газета). Наташа: «приезжай». Этот удивительный таксист Андрей не взял с меня ни копейки, и дал свой телефон, чтобы я звонила и сообщала о себе, как мои дела. Через три дня, проведённые у Наташи Козловой, я и нашла эту комнатку в Статен-Айленде, где жила несколько лет и в 25минутные поездки на лодке в Статен Айленд и обратно написала «Белую Лошадь».

Сюда ко мне приходила попрощаться душа поэта Окуджавы.

Отсюда ушла, вернулась в царство Морены героиня моей «Белой Лошади» Голубка.

Статен-айлендской идилии пришёл конец вот каким образом: однажды я, войдя в душ-туалет, увидела в окно ночное темно синее небо, перечёркнутое стволами и ветками голых деревьев, а между этими стволами-и ветками мерцали далёкие золотистые звёздочки. Увиденное так меня впечатлило, что я вернулась в комнатку, достала кисточку и три масляные краски, что как раз у меня и были: чёрная, синяя, охра— всё остальное в камере хранения – и быстро написала картину во всю обшарпанную стенку (я же говорила, это был заброшенный дом). Через несколько дней Джо по своей воровской привычке заглядывать в чужие комнаты заглянул и в мою, увидел это панно и предъявил мне счёт за «испорченную общественную собственность». Пришлось заплатить и искать дальше жильё в другом месте.

РАЯ-1 Прочла в русской газете объявление юриста Семёна Песочинского – моего бывшего соседа по квартире в Вашингтон Хайтс, которую я потеряла: «Сдаётся в аренду студия». Позвонила, трубку сняла жена Песочинского Люся, кокетливая особа с крошечными глазками. Это у них была где-то свободная студия, но видимо, студия была не совсем легальной, и хотелось взять за неё побольше, а называть сумму аренды старой знакомой казалось неудобным, и Люся отправила меня к их бывшей прислуге Рае. Вот мы с котиками у Раи, в Бруклине в комнатке с окном на север в её «двухbedрумной»*квартире (*двуспальной, two-bedroom). Услышав что я работаю в галерее, где «много бумаги», и что я пишу «книги», Рая захотела, чтобы я написала о ней книгу: Рая родилась, росла, училась, вышла замуж, родила, разошлась, приехала в Америку, «устроилась» – я часто слышу это слово от эми-имми-грантов, «устроилась»/«устроился». Она даже навестила меня однажды рано утром в галерее, нагрянула убедиться, что да, в галерее много чистой бумаги, хватит на её жизнеописание. У Раи была дочь Анжела, которая занималась свободной любовью, жила отдельно, мать и дочь общались часто по телефону, мать напоминала дочери о важности пользоваться презервативами, или, выражаясь её языком, «гондонами».

Но Рая не терпела кошек, боялась за свой мебельный гарнитур, и скоро я от неё ушла.

Целомудренная Изольда. Недолго я снимала комнату в Квинсе, в двухbedрумной государственной квартире на имя/имена давным-давно умерших супругов, другими слоами, снимала комнату у мертвецов, в одной комнате были мы с кошечками, в другой молодой человек

с безумными глазами, оставляющий следы ботинок на стенках душевой. Да, да, грязные следы ботинок на белых кафельных вертикальных стенках душевой. Это для меня остаётся загадкой, как и почему. А деньги собирать приходила его тётушка Изольда, которая жила где-то недалеко. Тучная дама. Хамоватая. Пришла однажды в моё отсутствие, порылась в моих вещах, нашла фотографию с моей топлесс* (*обнажённая по пояс, topless) – я говорила что работала моделью в Лиге – выложила на кровать и потребовала убраться...

Дочь моя нашлась – нашли знакомые, по интернету, я посетила её дом в Орегоне, собственно, пригласил по телефону зять, нянчиться с внуком на время их сборов к переезду в Колорадо. Кошки Чарли и Кристина (третий, Вася, умер), приехали со мной и отсидели у них месяц с лишним в гараже, в клетках. Дочь вела себя со мной как с незваной гостьей, даже, скорее, с незваной оккупанткой. Больно вспоминать. Вот они собрались, уехали, с собой не позвали, я с кошками вернулась в Нью-Йорк, где нашла в Бруклине дом-«хостел» на Авеню «Ю».

2000—2001 АВЕНЮ Ю. Хозяйка большого двухэтажного дома Миссис Джей – старая негритянка, живущая в соседнем, небольшом доме, куда приходят ей платить за проживание в большом. Оба дома страшно запущены. Большой дом был подарен Миссис Джей любовником в далёком-предалёком прошлом, и вот она его приспособила под «бизнес», сама же осталась жить в своём маленьком, что рядом. Чёрная, грубая, в бигудях восседающая в соломенном кресле, вылитый паук. Паучиха. Впрочем, я о ней писала в «Пяти ступеньках к воскресению».

В эти поры я познакомилась с Майклом О'Нил из Канзаса. Познакомились мы в галерее, где я работала. Майкл навестил меня в доме Паучихи и пришёл в ужас от зрелища крайней бедности жилища, у него прямо глаза на лоб чуть не вылезли, вот если бы не джонленнские круглые очки, то мог бы остаться без глаз... Особенно его поразила картинка комнаты напротив моей, её снимали уличные нищие, спали вповалку на полу, при открытых дверях. Не ожидал Майкл! Вскоре мы расстались. Его памяти я посвятила поэму «History Story» — «Исторический рассказ».

Мне пришло приглашение участвовать в выставке салона «Европейское Искусство» в Сан-Рафаэль, что недалеко от Ниццы и от дома Кати – члена соховской галереи. Катя предложила, а вернее, позволила, остановиться у неё. У меня были две акварели, «Планета №5 – Фонарщик» и «Планета №6 -Учёный». По возвращению из Сан Рафаэль, где я останавливалась у Кати с двумя моими кошками (третий, Вася, умер, впрочем, я уже писала), по прибытию звоню из аэропорта JFK бруклинской паучихе, а она заявляет: комната моя отдана кому-то другому, и свободных нет. Это при том, что мною было заплачено вперёд! Ужас. У меня, к счастью, к несчастью ли, сохранилась газета «Новое Русское Слово», где было объявление о сдаче в аренду места в Квинсе. Хозяин Миша назвался Майклом.

ПРЕИСПОДНЯЯ В КВИНСЕ. Это «место» оказалось ещё хуже бруклинского «Ю»: полуразрушенное приземистое здание прямо под мостом, по которому ходят поезда, комнатка-размером с кабинку грузовика, полки-нары, крошечное круглое окно – «иллюминатор». Трудно определить назначение этого здания в прошлом: кто-то предположил, «сумасшедший дом», но я в этом не уверена. Слишком мал. Возможно, псих диспансер. Во всём помещении теснота, духота, мои земляки-сибиряки, парни-нелегалы на нарах в одной комнате с многодетной семьёй ирландца, потерявшего работу после пребывания в госпитале. Девушка – наркоманка и проститутка, в прошлом редактор журнала мод. Шум проходящих над головой поездов. Я даже как-то придя в гости к новой знакомой по клубу писателей попросила разрешения прилечь у неё на пару часов, соснуть. Мои кошки, я это видела по их помутневшим глазкам, стали сходиться с ума. А с ними и я. Голубоглазая Сюзанна, жена ирландца, грустно:

– Мы все в одной лодке.

ШАНКС. В Лиге* (*Художественная Лига Нью-Йорка, Art Students League of New York) блистал преподаватель Нельсон Шанкс. В его класс записывались в очередь за полгода, как же, он писал заказные портреты *самых членов королевской семьи!* Правда, в его работах много «горячего розового», hot pink, как униформа дорожных рабочих, но, похоже, королевской семье всё розовое нравится. Потом ещё, у него был заказ на портрет экс-Президента Била Клинтона, но этот портрет был отвергнут женой Клинтона Хиллари оттого что на портрете, на левой руке мужа, Хиллари не увидела обручального кольца, и заподозрила сговор или заговор. Такое досадное событие не испортило репутации Шанкса, ведь он уже делал портреты *членов королевской семьи.* И мне выпало счастье быть его моделью. Вот, однажды мы позировали с кудрявой блондинкой Натали, которая училась на стенографистку и в перерывах стучала на своей машинке. Позы – короткие. Урок подходит к концу, я утыкаюсь лицом в колени: поза «интроверт», и думаю: «Хватит ли моих денег в кошельке на кошачий корм?» Вдруг, что-то шлёпается мне на голову, а монитор говорит «Rest!» Конец позы! Поднимаю голову: оказалось, Шанкс швырнул нам с Натали по десятке, то есть по 10 долларовой бумажке! Совсем по-русски, по-купечески. Как если бы мы были солистками цыганского ансамбля. По дороге домой, нам было по пути, после недолгого молчания Натали призналась:

– Это было так унижительно!

А я, наоборот, восприняла свою бумажку как спасение. Смешно, правда. Но не больно.

Скоро, по какому-то поводу (скорее всего, «почему такая грустная») Шанкс заговорил со мной в перерыве, и предложил поступить к нему в дом в Пенсильвании работать кухаркой. У них, сказал, работала девушка из Чехословакии, но ушла. Приехала в Нью-Йорк его последняя жена Леона, провела со мной интервью в кафе «Европа», что рядом с Лигой. На следующий день после этого интервью я прибыла в их дом. Леона показала мне владения и комнатку для прислуги. Готовить можно было только на *пару*, ни в коем случае не жарить, так как жарка могла повредить коллекции картин, приобретённых Шанксом на итальянских фли-маркетах* (*блошинный рынок, flea-market) ещё в его студенческие годы. Ради моих кошек я могла пойти к ним не только в кухарки, впрочем, он и предупредил, что будет также пользоваться мною как моделью, но в этом доме были свои животные, и очень недружелюбные. Думала- думала: пойти-не пойти к ним в услужение? Похоже, и выбора-то не было. На следующий день посадила кошечек в клетки, сделала пару шагов в сторону сабвея* (*метро, subway), и чувствую, прямо в висок: *это тупик.* Вернулась в «кабинку грузовика»; дальше на оставшиеся деньги сделала кошкам медосмотр в вет. клинике, купила билет – и в Москву. Вот тут я и отдала кошек московской дворничихе Соне, так получилось, отдала своих питомцев, с которыми провела почти девять лет. Потом плакала каждую ночь: что за жизнь! Они мне часто снятся. Виновата перед Кристиной, которая, не выдержав грубого обращения диких сониных внуков, выскользнула наружу и исчезла, вероятно, пыталась отыскать меня. А я ведь её использовала для позирования в Лиге, её, хрупкую, покорную...

По возвращению в Нью-Йорк первые дни ночевала в галерее.

2002 East 64. **КАРМЕН и ЖЕНЕВЬЕВА.** Кармен – девушка из Румынии, я знала её по Лиге, где она позировала. И она предложила разделить с ней аренду студии на Ист 64й, 400 долларов в месяц с каждой из нас. Студия была сдана человеку, который отсутствовал по делам, то есть для нас с Кармен временная. Постель Кармен была в спальне, моя в прихожей, или «китченет», на полу, так мы договорились. Оказалось, у моей руммейтки хроническая бессонница, ночами при свете бродила она по спальне как привидение, да ещё и при открытой двери. Я просила её хотя бы прикрывать дверь спальни, чтобы мне, лежащей на полу в прихожей, свет не бил в глаза. Засыпала она на час-два рано утром, и днём, разумеется, была квёлой, сонной мухой. Проснувшись по будильнику, шла было в душ, но по пути в душ садилась на пол и засыпала. Приходилось тормошить «Кармен, вставай, опоздаешь!» Пару раз звонила из Кливленда её мать – Женевьева, будила, Кармен вставала, делала шаг в сторону душа,

и снова садилась на пол... Часы её своеобразной активности приходились лишь на вечера. Вот что говорит об этом мой дневник: *«Придя домой, застаю у Кармен „друга“. Вчера тоже был „друг“, но тот сидел в „китченет“, а сегодняшний давал о себе знать кроссовками 11 размера* (*43) у моего шкафчика да диким ржаньем из спальни. Выглянула Кармен. Ухожу пообещав вернуться в 11 часов вечера, в кафетерий, потом в парк...»*

Так без малого каждый вечер. А аппетит! Я готовила большую кастрюлю – борща, солянки ли, но что бы ни приготовила в расчёте на неделю, она сжирала за один присест, оставаясь при этом стройной и грациозной как лебедь.

Женя-Женевьева. Жене было 10, её родители взяли на квартиру тридцатилетнего мужчину. Когда Жене было 14, родители обнаружили, что квартирант спит с девочкой, и приказали ему жениться. Так юная Женя оказалась мужней женой. В 16 Женя родила Кармен, потом ещё двух мальчиков. Мужик построил дом. По рассказам Кармен, в доме дети, все три, спали на одной кровати в подвале. Когда Кармен было 18, она поступила в Бухарестский университет. Тогда её изнасиловал местный мужчина. Родители судили его, о чём Кармен сожалеет, ведь пришлось уйти из университета, зато получили от насильника крупную сумму, добыли две визы, и приехали дочь и мать в США, в Кливленд (штат Огайо). Здесь Кармен вышла замуж «для документов». Муж не работал. После развода экс-муж потребовал от Кармен алименты, Кармен сбежала в Нью-Йорк, а Женевьева осталась в Кливленде, надеясь что кто-нибудь или что-нибудь когда-нибудь поможет ей натурализоваться. Румынскому мужу она была больше не нужна, он завел себе молодую подругу. Сыновей – братьев Кармен, прогнал из дома. Изломанные судьбы... Теперь Кармен видела во мне то ли маму, то ли тётю, а скорее, няню. Я постоянно куда-то ходила по её поручению: в библиотеку сдать книги, в химчистку получить одежду, в прачечную, на почту, и т. д.

День рождения. 6 марта Кармен исполнилось 30 лет. Я подарила ей лиловые гвоздики – её любимые, я знала. Приехала из Кливленда красавица Женевьева, приготовила полную жаровню мяса, мясо Кармен жадно съела в один присест, ела доставая из жаровни руками. Через пару дней Женевьева уезжала, обидевшись на дочь за слова: «Моя мама – Нина, а не ты.»

Я её утешала:

– Мало ли что неблагоприятные дети скажут.

В недалёком будущем меня саму будет ждать письмо от моей дочери, на случай вдруг я захочу к ней (к ним) приехать:

«У тебя чувство срочной необходимости уйти из твоей комнаты и я это понимаю, но...

Согласись, что нам не так хорошо вместе. Я напрягаю тебя. Ты напрягаешь меня. Давай договоримся о продолжительности времени, на какое ты у нас останешься»

Июнь, 17, 2002. В июне 2002 я опять участвовала в выставке группы «Европейское искусство», по окончании выставки вернулась к Кармен. Она была моему возвращению рада, и даже встретила, собственно, встретили меня вдвоём с неким её румынским другом. У неё за время моего отсутствия выросла гора немытой посуды в раковине, а самое забавное, однажды в окно влетел голубь, свил гнездо на холодильнике, и снёс (снесла?) яйцо. Но высидивать не стал (-а), не прилетал (-а). Жизнь на Ист 64 продолжалась. Я видела в окно голубку-мать, которая на подоконнике дома напротив высидивала, и высидела голубёнка, спасая и прикрывая от непогоды своим телом. Возможно, это была та самая, что оставила яйцо на холодильнике. Потом малец учился летать... Я писала об этом в моём дневнике, «Уроки полёта».

«...В окно вижу голубку- мать с голубёнком, которого она вырастила на глазах у меня. Высидела, спасая, прикрывая своим телом. Малец учится летать. Приготовилась рисовать, но увидела лишь взрослого голубя – мать. Затем писк внизу, и вижу: очевидно, голубь-отец, пытающийся вытащить малыша из мусорницы на колесиках. У меня была идея помочь. Но пока думала как помочь, пропустила прекрасный момент возвращения птенца на крыльях. Пока я это писала, он снова исчез, мать ждёт. Теперь, думаю, вернётся. Оказывается, отец –

учитель полёта. Кстати, у меня есть (была) акварель «Не бойся, это небо», где сидят на подоконнике два голубя, взрослый и птенец, взрослый уговаривает птенца не бояться полёта. Эта работа подарена Мэру Канн, и где-то есть от него письмо с благодарностью. Акварель висит у него в офисе, пробуждая добрые чувства.

Все последующие дни голубёнок продолжал уроки полёта, и в его воспитании участвовало всё дворовое голубиное общество!

8 августа отец-голубь принес в клюве белое перышко и положил в гнездо. Мать и дочь (теперь видно по оперению, девочка) потеснились. Отец положил перо и улетел...»

Значит, прав был Сеттон Томпсон, описывая голубей как благородных существ. Но вернулся на Ист 64 законный съёмщик, китаец, забыла имя, кажется, Дэвид. Он был готов разделить с нами студию, то есть аренду: ему спальня, нам прихожая – «китченет». Но всё испортила Кармен: открыла холодильник, увидела купленные парнем персики и слопала. Парню это очень не понравилось; и он попросил, вернее, приказал оставить квартиру немедленно.

Я:

– Кармен! Ну зачем ты съела его персики?

Кармен:

– А что тут такого? Я хотела есть.

Прощайте, голуби.

Кармен быстро нашла другую квартиру, она умела быстро находить, предлагала мне переехать вместе с ней, я отказалась.

«Надо вдохнуть жизнь в новый дом, у которого ещё нет своего лица»

(Антуан Де Сент-Экюпери, «Планета людей»)

– Надо. Но где этот дом?

(Автор)

Норвежка Лив, член моей кооперативной галереи, предложила мне в аренду комнатку в её нью-джерсийской квартире, которую вообще-то покупал её бывший муж (издал книгу, книга оказалась бестселлером, удачно распродана), эту квартиру он оставил ей после развода. Квартира четырёх комнатная, в одной Лив, в другой немолодая японка, в третьей Розмари, есть ещё часть зала, отгороженная занавеской – там спала на полу молодая японка, мне же досталась эта очень холодная маленькая комнатка у входа, которая служила прежде мастерской для Лив, то есть для её занятий скульптурой. Розмари – рыжеволосая ирландка шестидесяти лет арендовала у Лив комнату из-за местного, то есть нью-джерсийского священника, в которого была влюблена. Чтобы видеть его не пропускала служб, и «волонтерила» в храме. У самой же пустовала квартира-«кишка» в Манхэттене. Узнав об организованной мной выставке на Вест 49й, побывав на открытии, Розмари предложила мне пожить в её манхаттанской квартире: «Зачем тебе так далеко ездить...» Потом она вернулась, нашла какую-то офисную «парттайм» (*неполный рабочий день, parttime) работу, священник был забыт, а вернее, оставлен в покое, и мы стали жить вместе.

Квартира-«кишка» на Ист Сайд. Моя кровать у входа, у Розмари в дальнем конце квартиры, с окном на север. Я просыпаюсь первая, готовлю кофе и ещё что-нибудь на завтрак.

– Розмари, к столу, омлет готов!

Выходит рыжеволосая красotka Розмари, выносит сосуд, наполненный её мочой (я не сказала что туалет был тоже у входа) – вылить в унитаз. Оборачивается и говорит, кивая на север:

– Эта квартира знала так много мужчин! Я даже не помню их имён...

Выливает мочу, моет руки и садится к столу.

МИШЕЛЬ. Снова я участвовала в выставке в парижской галерее. Во время посещения Лувра встретила Мишеля Гранье – клерка из Бордо, который, когда я вернулась в Нью-Йорк

к Розмари, звонил мне по утрам в 8.30, а также присылал нежные электронные послания. Я ходила в Лигу через Центральный парк, видела первые весенние цветы, вспоминала Мишель. Нашим отношениям пришёл конец, когда я его поправила, ответив на комплимент «помню твои голубые глаза» – «Мишель, мои глаза не голубые, а hazel* (*карие), по французски poisette». Он обиделся, а может, притворился обиженным. Может быть, вспомнил что женат, married with children. Пришёл конец, но я часто вспоминаю Мишеля, и благодарю его за эту весну.

А Розмари ... Сначала я ей платила вполне посильную сумму, 450. Потом она заявила, что потеряла свою офисную работу, и поэтому хочет чтобы я ей платила 750. Я платила ещё какое-то время, месяц или два. Потом встретила бывшего члена Клуба Русских Писателей, который уезжал в Россию на пару месяцев...

2003. ПЯТНАДЦАТЬ МИНУТ СО ЗНАМЕНИТОСТЬЮ И так, в 2003 у меня был «саблет»* (*временное проживание, проживание на время отсутствия кого-л., Sublet) в квартире члена Клуба Русских Писателей Виктора. Или Виталия? Мне было поставлено условие: никаких посетителей, жить тихо-тихо. Я и жила тихо-тихо. Даже ходила на цыпочках по этой квартире. И сделала полдюжины акварелей с куклой, купленной на фли-маркете. Впрочем, у этой куклы было такое недоброе выражение глаз, что я не уверена в её назначении как игрушки. И после пережитых неудач наконец в страхе вынесла её на улицу.

Накануне возвращения Виктора (или Виталия), в поисках объявлений в русской газете, нахожу такое:

«Сдаётся комната женщине»

Звоню – мужской голос, спрашивает о моём возрасте. Пятьдесят? О, нет. Человеку на другом конце телефонного провода нужны молодые, очень молодые девушки, которым семнадцать-восемнадцать. Я: «почему семнадцать-восемнадцать?» Он: «потому что старые, пятьдесят и старше женщины надоедают рассказами о внуках». Тем не менее, изъявил желание встретиться, после того как в разговоре выяснилось, что у нас есть общие знакомые, а именно Завалишин* (*Вячеслав Клавдиевич Завалишин – русский поэт, публицист, автор книги о Малевиче, авторизованных переводов «катренов» М. Нострадамуса и т.д., 1915—1995.) Жильё любителя семнадцати-восемнадцати летних жильцов, вернее, жилищек, оказалось студией в Нижнем Манхаттане, стены которой увешены фото-портретами «селебрити»* (*знаменитость, celebrity). 86 лет хозяина — фотографа на пенсии, кстати, знаменитого, по его собственному признанию, Льва Максимова давали о себе знать завышенным интересом к теме эротики. Если ему верить, он переспал со всеми кинозвёздами, уж точно с теми, что изображены на фотографиях на стене: Софи Лорен, Клаудия Кардинале, даже Джина Лолобриджида. Места и способы соития... Однако, поскольку никакой другой комнаты для сдачи в аренду не было, а была лишь эта аудитория с сидящим на кровати рассказчиком, я поспешила уйти, на прощанье сделав односекундный «флаш»* (*вспышка, flush, в данном случае сленг: мгновенный показ груди), уступив просьбам сексуального фотографа, что-то слышала вслед, но не разобрала, не остановилась, а покинула его гнездо, чтобы звонить по телефону туда, где предлагалась брайтон-бичская студия в аренду. Сумма меня покорила: 350 долларов в месяц! Спешила посмотреть.

ЛАРИСА. Брайтон Бич: океан, крикливые чайки, толстые женщины, дешёвые продукты. Когда-то мы с дочерью наведывались сюда из Вашингтон Хайтс (что есть Верхний Манхаттен) – здесь, в/на Брайтоне, был культурный центр – галерея «Подвал» Кости Кузьминского*. (*Константин Константинович Кузьминский – 1940—2015 русский поэт, эссеист, диссидент, автор антологии русской поэзии «У Голубой Лагуны») Потом Костя купил дом в Пенсильвании, уехал, там умрёт. И вот, маленькая студийка на втором этаже частного дома. Толстушка Лариса сказала, она работает по уходу и тут не ночует. Хозяин моего «саблета» Виктор (или Виталий) должен был вернуться через пять дней, и я сказала толстушке, что могу придти через

несколько дней, но та настаивала: «завтра», то есть в субботу. Вернувшись от Ларисы я написала записку Виктору «уезжаю, оставляю ключи внутри». Субботу и воскресенье провела в студии одна, рисовала, ходила гулять к океану. А в понедельник, вернувшись из Лиги, увидела Ларису лежащей на моей кровати:

– Как хорошо быть дома!

Оказалось, работала она по уходу лишь по выходным дням, в остальные дни приходила домой, и мне было предложено перебраться на диванчик в кухоньке. Я и перебралась на диванчик в кухоньке. Интерьер: на северной стенке кухоньки бумажное изображение Христа, а на южной, как раз напротив Христа – порнографическая картинка из календаря: раздетая ниже пояса дама с широко раздвинутыми ногами.

Лариса проводила ночи в созерцании ТиВи, а по утрам курила в окошко, гася окурки в стакане с водой. Запах от этого был ужасный. Я и просыпалась, собственно, от этого запаха. Днём, когда я уходила, Лариса заваливалась спать. Всё было бы ещё ничего, если бы она не тормошила меня по ночам, не будила бы в 2—3 часа ночи, требуя моего участия в созерцании сериалов по этому её проклятому ТиВи:

– Нинка! Ты спишь, что ли?!

– Да, а что? (А что ещё можно делать в это время суток?)

– Так она же разошлась с ним!

– Кто? С кем?

– Ну, та, которая приехала из Тамбова! Да ты что, не смотрела?

От недосыпания кружилась голова, днём случались обмороки. Порой Ларисе хотелось высказаться, правда, без притязаний на публикацию в серии «Жизнь замечательных людей», как Рае, а просто излить душу, и мне приходилось выслушивать. Подобно Рае, она родилась (на Украине) и росла, где-то училась, вышла замуж, родила- дважды, разошлась, приехала по гостевой в «Америку». (Кто пригласил? Кто вообще их приглашает?) И работает по уходу, выходит, «устроилась». Хвасталась, что напичкав своих пациентов/пациенток снотворным, ходит по магазинам или гуляет у океана. Впрочем, как оказалось, этот «уход на дому» не был единственным источником дохода: Ларису навещали подружки, их у неё было две, распивали водку *на троих*, и фотографировали по очереди кого-либо из их небольшой группы с мусором на голове, потом писали жалобы на хозяев, которые якобы не позаботились о ремонте потолка... Помню, Лариса получила чек на 7 000 (семь тысяч) долларов как «жертва упавшего с потолка на голову...» и поделилась с дочерью, живущей в южном штате. Это была её любимая дочь, а нелюбимая жила в Германии, нелюбимая потому, что уродилась брюнеткой: Лариса подозревала, что её подменили в роддоме. Наверно, говорила она, от каких-то азиатских родителей, а азиаты, наверно, заполучили в дочери светловолосую девочку. И Лариса делилась лишь со светловолосой дочерью, живущей в южном штате. Мужчины в её жизни: «У меня их было Море! Океан! Миллион!» Однажды, впрочем, поведала историю любви с неким Петром, которого она встретила на бордвоке* (*набережная, boardwalk), на лавочке, как она о нём заботилась, за всё платила, а потом его увела полька. Теперь, то есть в настоящее время, 2020, я встречаю, вернее, минуя Ларису, сидящую на обочине рядом с чахлыми горшечными растениями, и продающую что-то в белых пакетиках (эти пакетики я заметила с противоположной стороны Брайтон Бич Авеню), а иногда заталкиваемую полицейскими в машину, и снова на обочине. Недавно, проходя по Брайтон Бич Авеню, слышала как она кому-то по телефону, не выпуская изо рта сигареты:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.